

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИАНАСИЛИЯ

Волков П. В.

аспирант программы «Коммуникации и медиа»
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
pvolkov84@yahoo.com

Аннотация:

Современные критические исследования медиадискурса, как правило, основаны на структуралистских и постструктуралистских подходах. Такое положение дел автор связывает с доминированием лингвистики в дискурс-анализе, тогда как сама цель критики дискурса требует понимания его как «свернутой» социальной деятельности, превращенной формы культуры. Для культурно-исторического подхода, который автор предлагает использовать как метод критики дискурса, дискурс есть отражение социальных отношений в речевой форме, объективированная в тексте языковая деятельность с неязыковыми мотивами, целями и средствами. Дискурс формирует не объективное знание о действительности, а ее искаженный чувственный образ, ограниченный диалектическим взаимоотношением субъекта и среды. Таким образом, дискурс становится идеологической проекцией социальной деятельности. Неравенство в обществе находит отражение в дискурсе. Задача культурно-исторического дискурс-исследования состоит в том, чтобы выявить гегемонистское значение идеологического дискурса. Для этого идеологический текст необходимо сопоставить с объективными фактическими условиями жизни общества, в котором этот текст создается и распространяется.

Ключевые слова: критический дискурс-анализ, теория деятельности, диалектика, значение, гегемония

Введение. Лингвистическая проблема критического дискурс-анализа

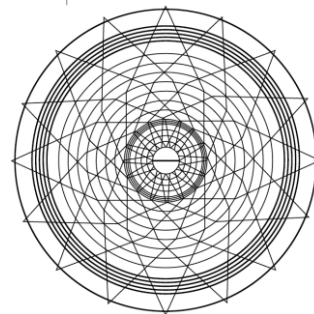
Социальное неравенство закрепляется в языке как дискурсе, а сам язык (и дискурс) становится способом доминирования (Олешкова, 2018). Поэтому целью критических дискурс-исследований является выявление дискриминации в любых институциональных речевых практиках.

Формально схемы исследования в разных подходах к критическому дискурс-анализу схожи. Лингвистический уровень анализа разработан вполне

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

фундаментально и успешно реализуется. Различия же и проблемы лежат вне дискурса и вне лингвистики, а именно в понимании социальной реальности и ее связи с дискурсом. Для одних школ (Pêcheux, 1969; Laclau & Mouffe, 1985; Jäger & Maier, 2009) общество конструируется дискурсивно, а значит связь социальной реальности с дискурсом односторонняя и субъективистская — значения рождаются в дискурсе, и вне дискурса нет социальной реальности. Другие школы (Wodak, 1989; Scollon, 2001; Fairclough, 2009; Van Dijk, 2014) постулируют диалектичность своего подхода, говоря о взаимовлиянии дискурса и социальной реальности, однако оперирование «структурами» и позитивистское понимание отношений текста и общества как двух отдельных «элементов», между которыми есть нечто третье — дискурс (в котором конституированы властные отношения) или общественное сознание (как бы отделенное от общества и произведенного в нем текста), — часто делает заявленную диалектичность подходов лишь заявлением. Также они остаются в парадигме наличия структур и в сознании (моделей, фреймов и т. д.) некими «ящиками», по которым можно формализовано разложить реакции человека на социальное влияние, а затем по очереди доставать их и исследовать как что-то отдельное от целостной человеческой психики. Даже наиболее близкий к диалектическому пониманию природы дискурса Норман Фэркло оперирует структуралистским понятием «элементы дискурса» (Fairclough, 2013) и использует в качестве интерпретационной теории структуралистскую системную лингвистику Майкла Халлидея (Fairclough, 1995), хотя и утверждает при этом, что в долгосрочной перспективе нужна новая социальная теория языка (Fairclough, 1995), а взгляды Фуко на дискурс имеют исключаящий активную социальную деятельность «структуралистский привкус», что неудовлетворительно (Fairclough, 1992).

Зацикленность на структурализме и постструктуралистской герменевтике как способе интерпретации текста, на наш взгляд, — закономерный результат доминирования в дискурс-исследованиях именно лингвистики, что на постсоветском пространстве, как утверждает Наталья Ковкель (Ковкель, 2018), связано еще и с методологическим и даже эпистемным вакуумом в социогуманитарных науках.

Согласимся с Анной Олешковой (Олешкова, 2018), которая считает, что отбрасывать лингвистический уровень в дискурс-исследованиях нельзя, однако критический анализ политического текста требует прежде всего социально-философского осмысления, поэтому специализированное погружение в лингвистику не требуется, достаточно ее оптимизации для целей социально-философского знания.

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

Сам по себе диалектический подход к критическому дискурс-анализу (КДА), как мы уже говорили, не является ноу-хау. Например, Боб Джессоп определяет единицы КДА как материально-семиотические (Jessop, 2004), а Норман Фэркло убежден, что отношения между материальным и семиотическим в дискурсе являются диалектическими (Fairclough, 2006). В таком случае, интерпретация дискурса требует соответствующего метода. Представитель дуйсбургской школы дискурс-анализа Зигфрид Йегер говорит о наличии разрыва или отсутствии внутренней связи между дискурсом и реальностью, об отсутствии недискурсивного (предметно-практического) посредника в теории диспозитивов Мишеля Фуко, который считается одним из основателей дискурс-анализа, и предлагает в поисках такого посредника обратиться к культурно-исторической школе психолингвистики Льва Выготского и Алексея Леонтьева (Jäger, 2001).

Основные категории культурно-исторического дискурс-анализа

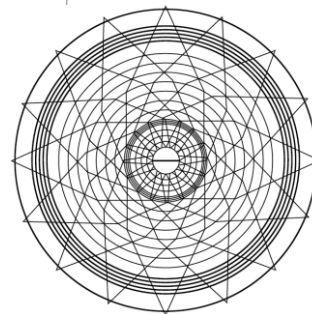
Мышление не проявляется в деятельности, а возникает как деятельная функция в предмете и с предметом, а не в слове и со словом. «Слово действительно не порождает мысль, слова бывают пустыми, и изучать слова для того, чтобы изучить мышление, — значит впадать в "словесный фетишизм"» (Журавлев, 2021, с. 135). Действуя со знаком в отрыве от значения, с символом без предмета, который он символизирует, исследователь получает игровой фетиш и далее преобразовывает символы вместо того, чтобы преобразовывать мир. Фиксирующее, объективирующее общественную действительность слово материальный мир не создает и не меняет, однако оно способно преобразовывать сознание — «значения преломляют мир в сознании человека» (Леонтьев, 1975, с. 68), — а уже через идеи и связанные с их реализацией материальные средства менять мир. «Вещь – дело – слово – дело – вещь» — вот зацикленный метаморфоз, в котором представлен исторический генезис языка (Ильенков, 1991). Слово, побуждающее дело, рождается в уже готовом мире вещей и дел, в конкретно-исторической культуре (Ильенков, 2021).

Диалектическая психолингвистика говорит о едином речевом мышлении, единицей которого является единство знака и означаемого — значение. А поскольку слово почти всегда готово, когда готово понятие, значение слова можно рассматривать еще и как единство обобщения и общения, то есть мышления и коммуникации. Звук без значения — форма без содержания, то есть то, чего в природе не существует, а значение без звука, выражающего его — тоже не существующая в реальности чистая платоновская «идея». Таким образом, слово есть и звук, и значение, а связь мышления и речи осуществляется в

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

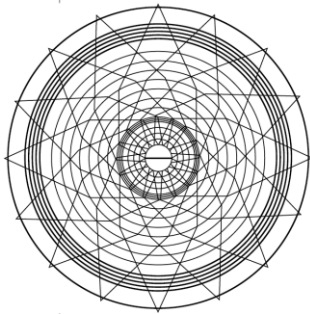

значении слова. Значение есть средство, через которое мысль не выражается, но совершается в слове (Выготский, 1999). Алексей Леонтьев же к этому добавляет, что «значения сами по себе не порождают мысль, а опосредствуют ее — так же, как орудие не порождает действия, а опосредует его» (Леонтьев, 1975, с. 47). Язык — носитель значений, но за самими значениями лежат общественно выработанные способы познания и преобразования мира, то есть культура.

Общественно выработанное значение закрепляется в знаке, через который можно представить себе и другому предмет, не имея его непосредственно перед своими органами чувств. Удержание и подчинение звука задачам коллективной деятельности лежит в основании формирования языковой культуры. «Звук производится органикой, слово — общественной культурой. Звук, выполняющий своим бытием общественную функцию общения, становится словом» (Лобастов, 2017, с. 38).

Звук, сращенный с содержанием, становится словом, а смысловое движение в звуке — устной речью. Слово только лишь как знак не связано со значением. Связь обнаруживается посредством действия с обозначаемым предметом. Знак — это превращенная форма деятельности, главная функция которой — управлять деятельностью, направлять и опосредствовать ее (Журавлев, 2021). Эта превращенная, «свернутая» деятельность социальна и имманентна культуре, в которой она разворачивается. Только потому, что знак обладает общественно выработанным значением, он может что-либо репрезентировать (Журавлев и Журавлева, 2018).

Культурно-историческая школа различает значение и смысл как моменты наличного бытия слова и/или лексемы. Значение — реальность слова, смысл — его отрицание в нем самом. Первое есть объективированный в языке общественный опыт, второе — субъективный опыт отдельной личности в конкретной деятельности или «форма реального существования значения слова в голове носителя языка» (Леонтьев и др., 1974, с. 270). Александр Лурия (Лурия, 1979) называет значением одинаковую для всех людей устойчивую систему обобщений, стоящей за словом, а смыслом (социально-коммуникативное значение) — относящееся к данному моменту и данной ситуации индивидуальное значение, выделенное из объективной системы связей. Однако субъективность смысла относительна, это субъективность в объективности, то есть такое субъективное представление, которое существует в отношениях личности с окружающей действительностью. Тогда в культурно-историческую теорию органично вписывается понимание Норманом Фэркло дискурса как способа обозначения определенной области социальной практики с определенной точки

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

зрения (Fairclough, 1995). Это значит, что смысл у значения или дискурс появляется только в системе общественных отношений. Личность наделяет значение смыслом в привязке как к конкретно-историческому общественному бытию, так и к своему положению в этом конкретном обществе. Сначала новый смысл слово приобретает в определенных группах, а когда смысл слова становится достоянием всего общества, он превращается в значение. Смысл связан с аффективным состоянием субъекта и с его мотивами и может быть назван единицей коммуникации, как значение — единицей языка. Смысл может не совпадать со значением, и чтобы его вполне понять, необходимо погрузиться от поверхности бытия текста в сущность подтекста, добраться до основания в виде мотива, а затем, оттолкнувшись от основания, вынырнуть в обогащенное сущностью бытие — понятие. В таком движении, в первом приближении, и заключается культурно-исторический подход к исследованию дискурса.

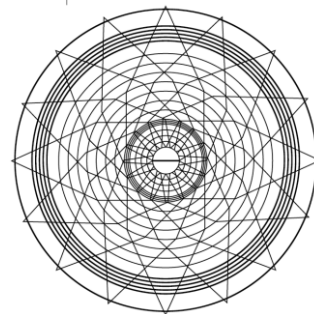
Диалектика социальной детерминации дискурса

Сформулированный Львом Выготским «общий генетический закон культурного развития» гласит: «...всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва социальном, потом — психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая» (Выготский, 1983, с. 145). Соответственно, процесс социализации можно понять как процесс индивидуализации общественного. Человек вооружен представлениями и понятиями своей эпохи и своего класса, но в то же время ограничен ими. Попытка выйти из системы ограничений расценивается как асоциальная деятельность и в частных случаях даже карается законом. Ограничена и речь индивида. Леонтьев (Леонтьев и др., 1974) выделяет три основных ограничителя: систему значений и правил оперирования словами, структуру речевой деятельности и этические нормы. В ограниченной культурой речи осуществляется социальная детерминация поведения. Под ней он призывает понимать не позитивистскую адаптацию личности к обществу-среде, а совсем иное: «...в обществе человек находит не просто внешние условия, к которым он должен приноравливать свою деятельность, но что сами эти общественные условия несут в себе мотивы и цели его деятельности, ее средства и способы; словом, что общество производит деятельность образующих его индивидов» (Леонтьев и др., 1974, с. 38), «субъект, вне его деятельности по отношению к действительности, к его "среде", есть такая же абстракция, как и среда вне отношения ее к субъекту (Леонтьев, 1998, с. 112).

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

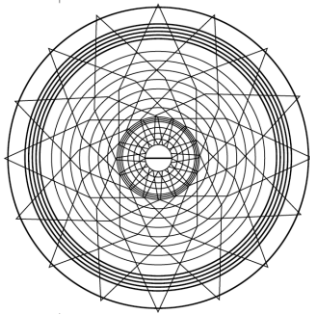

По Сергею Рубинштейну речевая деятельность — использование средств языка индивидом сообразно с задачами, которые перед ним стоят, и условиями, в которых эти задачи возникают — «совершаясь на базе языка, мысль оформляется в речи» (Рубинштейн, 1957, с. 124). В традиционных структуралистских исследованиях речь (устную или письменную), позволяющую интерпретировать высказывающегося субъекта, трактуют как дискурс (Серио и др., 2002). Для культурно-исторического подхода дискурс — не речь как таковая. Дискурсы — это вербально опосредствованные социальные практики, отражение общественных отношений в речевой форме, опредмеченная в тексте языковая деятельность с неязыковыми мотивами, целями и средствами. Ключевое в любой деятельности (в том числе в речевой) — мотив, за которым обязательно стоит какая-то потребность. Мы всегда говорим для чего-то, имея перед собой неречевую цель. Но достигается она, конечно, не непосредственно речью, а лишь практическими действиями, к которым побудила речь. Если порой чьи-то слова кажутся немотивированными, это значит лишь, что мотив для нас сокрыт. Для анализа сокрытых мотивов любую сложную речевую деятельность можно разбить на более простые действия, а действия — на еще более простые операции.

Действительность и ее дискурсивный образ

Социальная ограниченность представлений конкретно-исторического человека об окружающей действительности позволяет сделать вывод, что дискурс формирует не объективное знание о действительности, а ее чувственный образ. В культурно-исторической школе образ — это «представление субъекта о предметных условиях своего поля активности в материале чувственных переживаний» (Иванников, 2018, с. 101). Иначе говоря, образ предмета или среды — не знание о них, но чувственное представление (с посторонними прибавлениями и субъективными рефлексиями), ограниченное неполнотой взаимоположения субъекта и объекта предметно-практической деятельности. «Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо» (Ленин, 1968, с. 343). Чем полнее взаимодействие субъекта деятельности с объектом деятельности и чем полнее их взаимное полагание, тем точнее, с минимальным искажением, субъект выстраивает образ предметной среды. Этот образ метафорически можно назвать «картиной мира».

В результате ограниченного чувственного взаимодействия субъекта со средой субъект отражает эту среду искаженно, объективирует ее в образе, приписывая объекту те или иные свойства, которые совсем не обязательно ему

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

присущи. Объективированная отраженная действительность мнится субъектом объективной действительностью, и кривизна зеркала, то есть степень адекватности отражения, «...определяется степенью адекватности поведения организма, осуществляемого на основе полученного в результате отражения образа» (Корниенко, 2018, с. 109). Степень же адекватности определяется практикой, в согласованности основанной на отражении действительности цели и результата целесообразной деятельности.

Дискурс социально ограничен. Однако вопрос ограничения дискурса в прикладных дискурс-исследованиях в общем виде рассматривать нельзя. Нужно строго понимать, как, в чьих интересах и с какими целями он ограничен, что из самого дискурса не выявляется. Сегодня в абсолютном большинстве стран мира люди объективно разделены на большие группы по месту в системе разделения труда, отношению к владению средствами производства, а также способам получения и размером располагаемых жизненных средств. Такие группы называются классами (Ленин, 1970, с. 15). В результате классового расслоения люди не только оказываются в неравном положении относительно средств жизни, это неравенство отражается на их сознании. Те, в чьих руках находится производство идей, имеют возможность навязывать идеи, причем самые фантастические, не имеющие никакой связи с реальным положением вещей. «В этих условиях личностные смыслы, отражающие мотивы, порождаемые действительными жизненными отношениями человека, могут не найти адекватно воплощающих их объективных значений, и тогда они начинают жить как бы в чужих одеждах» (Леонтьев, 1975, с. 75). Представитель подавляемого класса принимает идеи своего подавителя как свои, одевается в «чужие одежды» дискурса, об идеологическом характере которого говорят Норман Фэркло (Fairclough, 1989) и Стивен Лукес (Lukes, 2005), и более не способен действовать в своих интересах, его мотивы и цели становятся неадекватными его положению в обществе. В результате лишенные связи с действительностью идеи в головах людей превращаются во враждебные им самим стереотипы (идеологические смыслы становятся значениями, искаженно отражающими предмет).

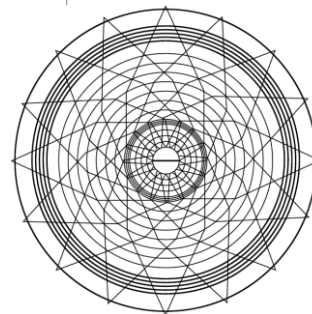
Идеология и гегемония

Обобщения «частичного», отчужденного от результатов своего труда, а значит и от полноты познания и преобразования мира, человека вне сферы его трудовой деятельности частичны. Адекватное представление о мире там, где человек не может практически действовать, его покидает, и он перемещается в дискурсивную сферу идеологии. А в этой сфере начинается игра превращенных

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

форм, смыслов, не совпадающих с объективными значениями. Дискурс не создает понятийного знания о предмете, он создает образ, то есть более или менее искаженное, удаленное от действительности представление о предмете, непосредственно связанное лишь с тем, какое взаимодействие с предметом создателю дискурса требуется от его потребителя. В этой сфере никогда на практике не сталкивавшегося с управлением государством человека можно легко убедить, что качество жизни повысится, если, например, начать говорить на каком-то одном определенном языке, или что счастье зависит от национальной гомогенности или, наоборот, от национального разнообразия.

Идеологической системой Умберто Эко называет систему означений (смыслов в противовес значениям), предшествующих сообщению, которая взаимодействует с системой риторических устройств и регулирует отношения между знаковыми средствами и смыслами этого сообщения (Есо, 1972). Таким образом и язык, как утверждает Юрген Хабермас, является идеологическим средством господства и социальной власти, служащим для легитимации властных отношений (Habermas, 1977). Но если идеологический смысл оторван от объективного значения, предмет мышления искажен, что мыслит «идеолог»? На этот вопрос удачно отвечает Александр Сурмава (Сурмава и Симакин, 2021): часто отличник, блестяще сдавший все экзамены, не в состоянии применить полученные знания на практике, хотя явно не глуп и не бестолков; проблема же в том, что во время учебы он мыслил не предмет науки, а волю министерства образования, вместо решения предметной задачи занимался получением общественно значимых оценок, занимался социализацией, поскольку такое поведение выгодно.

Такую форму социального согласия, когда подчиненные и подавляемые группы принимают свое подчиненное и подавленное положение без насилия и принуждения, из конформистских соображений выгоды, называют гегемонией (Barrett, 1991; Gramsci, 1971). Осуществляется она через дискурс. Марианне Йоргенсен и Луиза Филлипс раскрывают значение гегемонии так: «В процессе производства значения существующее распределение власти может казаться настолько естественным и здравым, что его даже не будут подвергать сомнению. Например, благодаря процессу "строительства" нации, люди определенного географического региона могут считать, что принадлежат одной и той же группе и разделяют условия и интересы независимо от классовых барьеров» (Йоргенсен и Филлипс, 2008, с. 66). Важно понимать, что гегемонистские значения производятся в уже существующем «распределении власти», уже существующее «распределение власти» формирует и определяет дискурс, а никак не наоборот,

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

поскольку гегемония всегда «защищена броней принуждения» (Forgacs, 1988, р. 235). В дискурсе, как говорит Ван Дейк (Ван Дэйк, 2013), конституируется «злоупотребление властью», но не ее рождение. Именно это гласит основной закон исторического материализма — общественное бытие определяет общественное сознание, то есть идеи господствующего класса являются господствующими в обществе идеями (Маркс и Энгельс, 1959; Ленин, 1968).

Через тотальность своего влияния на медиа и другие инструменты социального влияния правящий класс осуществляет культурную гегемонию, заставляет большинство граждан считать существующее положение дел единственно правильным и даже «естественным». Подавляемые же в обществе группы не имеют доступа к дискурсу этого общества либо совсем, либо имеют в настолько ограниченном виде, что их влияние ничтожно. Поэтому дискурсивное влияние — это всегда влияние правящего класса. Сначала власть, потом культурная гегемония. Таким образом, культурная гегемония — действительно некая форма социального согласия, но согласия по принуждению, в уже *существующем* «распределении власти», когда принуждаемые ради социализации *вынуждены* согласиться со своим подавленным положением.

Основы культурно-исторического дискурс-исследования

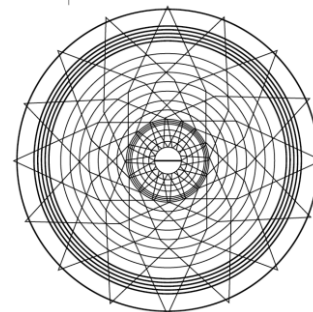
В культурно-исторических дискурс-исследованиях мы исходим из того, что дискурс есть идеологическая проекция социальной деятельности. Дискурс не просто формирует «картину мира», он сам уже является «картиной мира», то есть чувственным, искаженным образом действительности «хозяев» дискурса, который они вносят в общественное сознание и закрепляют в культуре. Таким образом культурно-исторический подход снимает позитивистско-структуралистский дуализм субъекта и среды, сознания и культуры, дискурса и социальной практики, выводя не просто их взаимодействие, но взаимополагание, то есть диалектическое единство.

Культурно-исторический подход требует перевернуть с головы на ноги генезис дискурса, который не формирует высказывание, но формируется в системе высказываний, в свою очередь определяемой материальными отношениями власти и собственности, сложившимися в ходе исторического развития. Дискурс создает не реальность, а идеологическое (искаженное) отражение реальности в общественном сознании. Сама реальность не меняется, как ее не назови, но ее могут изменить люди под воздействием того или иного дискурса. Мы соглашаемся с выводами культурно-исторической психологии о том, что деятельность субъекта — субстанция психики, а психика — атрибут

[Научные статьи]

Волков П. В.

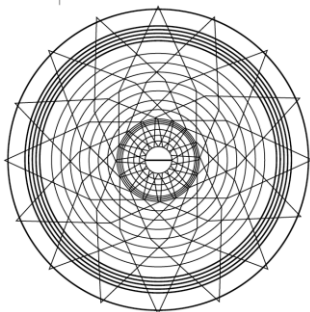
*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

деятельности (Соколова, 2018). Мы соглашаемся, что сознание не отражает реальность такой, какая она есть — «...мы знаем мир настолько, насколько действовали в нем» (Соколова, 2019, с. 665). Человек в своем мышлении отражает не целиком весь мир как он есть, а лишь ту часть мира, которую он познал в предметно-практической деятельности, только тот общественный опыт, который, будучи нормативно закреплен, становится доступной данному человеку культурой. Те сферы бытия, в которых человек не может практически действовать (а такие есть всегда), не могут быть им истинно постигнуты в чувственной форме.

Природа современного национального государства кардинально искажена в образе большинства, предметно-практически не участвующего в госуправлении, менее искажена (или отражена верно, но частично, не истинно, абстрагировано от всей противоречивой полноты явления) в образе тех, кто участвует, и лишь в научном, понятийном, постижении его природы более или менее искаженный образ может быть преобразован в истинное понятие. Недоступность для абсолютного большинства ни второго, ни третьего создает условия для культурной гегемонии правящего класса, дискурсивной идеологической манипуляции сознанием людей в своих интересах и против интересов объектов манипуляции, при интериоризации объектами интересов субъекта как своих. Исходя из этого, мы утверждаем, что сознательно формируемая национальным государством через дискурс культура гегемонии является идеологическим обоснованием, легитимирующим и закрепляющим привилегированное положение одних групп и подавленное положение других в этом государстве.

Мы принимаем положение культурно-исторической школы о том, что условием начала деятельности, мотивом, является актуализация потребности. Мы также принимаем вывод Леонтьева (Леонтьев, 1981) о том, что деятельность — не всякая активность человека, а та, в которой предмет активности совпадает с предметом потребности. Должна быть целесообразность. Если таковая не обнаруживается, то активность нельзя назвать деятельностью, а лишь отдельным действием в другой деятельности, возможно ради достижения чужих целей, реализации чужих потребностей и в чужих интересах. Соответственно, Вячеслав Иванников справедливо замечает, что «по внешней активности человека нельзя понять, чем для него является его активность — деятельностью или действием в какой-то деятельности» (Иванников, 2014, с. 52). Так, исследуя влияющий на внешнюю активность дискурс, можно выяснить, совпадают ли истинные мотивы активности подверженного дискурсивному влиянию человека (или группы) с

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

мотивами производителя дискурса. Можно понять, действует человек (или группа) в своих интересах или в интересах создателя гегемонистского текста.

Цель исследования гегемонистского дискурса — сопоставление его с объективной действительностью, оценка степени искажения и определение истинного мотива создания данного дискурса. Объективную же действительность в самом дискурсе увидеть нельзя, для ее исследования нужны иные дисциплины. Значит первое, что требуется в культурно-историческом дискурс-исследовании — зафиксировать в виде базовой аксиомы актуальную объективную действительность, в которой создан исследуемый дискурс.

Единицей дискурса мы принимаем значение, которое понимаем как «свернутую» общественную деятельность. Какова экономическая и политическая действительность, таково и значение, скрытое в идеологическом дискурсе правящего класса в его собственных интересах.

Заключение

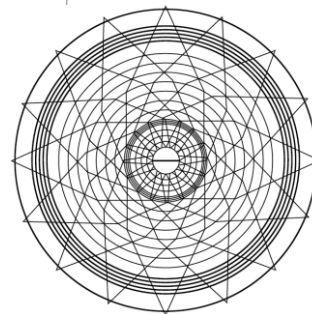
Задача культурно-исторического дискурс-исследования — раскрыть гегемонистское значение идеологического дискурса, выявить скрытые за ним мотивы, цели и интересы. Сделать это на основании одного лишь текста (или сравнения нескольких текстов) невозможно — идеологический текст необходимо сравнивать с объективными действительными условиями жизни общества, в котором создается и распространяется данный текст. Культура (система производства и воспроизводства общественной жизни) и дискурс — взаимополагаемые понятия. Поэтому непосредственной абстракцией, с которой можно начать разворачивать и синтезировать систему категорий в современной медиакulturе социальной дискриминации, необходимо взять то наличное общественное бытие, которому имплицитна эта самая культура — словами дискурс-анализа, систему социальных практик, — капитализм. Дискурс непосредственно не меняет властные отношения, но репрезентует и нормализует их. Таким образом, интересующее нас изменение путем культурной гегемонии — это изменение общественной культуры с формально толерантной на открыто дискриминационную в рамках существующего «распределения власти».

Если исторический генезис мышления и языка Эвальд Ильенков представил в зацикленном метаморфозе *«вещь — дело — мысль — дело — вещь»*, то метаморфоз культуры посредством гегемонистского дискурса можно представить в виде такой схемы: *«культура — предметная деятельность — дискурс — предметная деятельность — культура»*, где последняя культура определенным образом преобразована сравнительно с первоначальной, а предметная

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

деятельность закрывает тот разрыв, который Йегер обнаружил у Фуко. Сначала доминирующая группа через дискурс «вживляет» свои смыслы в общественное сознание, затем в общественном сознании эти групповые смыслы трансформируются в общественно выработанные значения, которые, в свою очередь, закрепляются в сознании людей и посредством предметно-практической общественной деятельности меняют общественные нормы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ван Дейк, Т. (2013). Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Либроком.

Выготский, Л. С. (1983). Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики (А. М. Матюшкин, ред.). Педагогика.

Выготский, Л. С. (1999). Мышление и речь. Лабиринт.

Журавлев, И. (2021). Выготский, Ильенков и проблема соотношения мысли и слова. Вопросы психолингвистики, 2(48), 130–143. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-48-2-130-143>

Журавлев, И., Журавлева, Ю. (2018). Слово и объект (возможна ли бессловесная мысль). Вопросы психолингвистики, (2), 42–57.

Иванников, В. (2014). Анализ мотивации с позиций теории деятельности. Национальный психологический журнал, (1), 47–54.

Иванников, В. (2018). Представления о природе и происхождении психики в ранних работах А. Н. Леонтьева. Национальный психологический журнал, (3), 98–103.

Ильенков, Э. (1991). Философия и культура. Политиздат.

Ильенков, Э. (2021). Диалектика идеального. Собрание сочинений т. 5. Канон+.

Йоргенсен, М., и Филлипс, Л. (2008). Дискурс-анализ. Теория и метод. Гуманитарный Центр.

Ковкель, Н. (2018). Проблемы применения критического дискурс-анализа в конституционно-правовых исследованиях. Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки», 4 (4), 80–86. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2018-4-4-80-86>

Корниенко, А. (2018). Природа психики и психической формы отражения. Национальный психологический журнал, (3), 104–116.

Ленин, В. (1968). ПСС, 5-е издание, т. 18. Политиздат.

Ленин, В. (1970). ПСС, 5-е издание, т. 39. Политиздат.

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

Леонтьев, А. (1975). Деятельность. Сознание. Личность. Политиздат.

Леонтьев, А. и др. (1974). Основы теории речевой деятельности. Наука.

Леонтьев, А. (1981). Проблемы развития психики. МГУ.

Леонтьев, А. (1998). Учение о среде в педологических работах Л.С. Выготского (критическое исследование). Вопросы психологии, (1), 108–124.

Лобастов, Г. (2017). Мышление и речь: что было вначале? Вестник РГГУ, (2), 29–51.
<https://doi.org/10.28995/2073-6398-2017-2-29-51>

Лурия, А. (1979). Язык и сознание. Издательство Московского университета.

Маркс, К., и Энгельс, Ф. (1959). Сочинения, т. 13. Политиздат.

Олешкова, А. (2018). Критический дискурс-анализ: теоретические основы метода. Kant, (3), 127–131.

Рубинштейн, С. (1957). Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. Издательство академии наук СССР.

Серио, П. и др. (2002). Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. Прогресс.

Соколова, Е. (2018). Психика: форма или функция деятельности? (К дискуссиям во внутреннем оппонентном круге школы А.Н. Леонтьева). Вопросы психологии, (2), 100–110.

Соколова, Е. (2019). Как А. Н. Леонтьев оживил Спинозизм в марксистской психологии, или о неявном философском основании теории деятельности. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 16 (4), 654–673.
<https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-4-654-673>

Сурмава, А., и Симакин, А. (2021). Спинозистская революция в марксизме. Дата обращения: 19 мая 2022. <https://www.academia.edu/48853979>

Barrett, M. (1991). The Politics of Truth. From Marx to Foucault. Polity Press.

Eco, U. (1972). Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message. Working Papers in Cultural Studies, (2), 103–121.

Fairclough, N. (1989). Language and Power. Longman.

Fairclough, N. (1992). Discourse and Social Change. Polity Press.

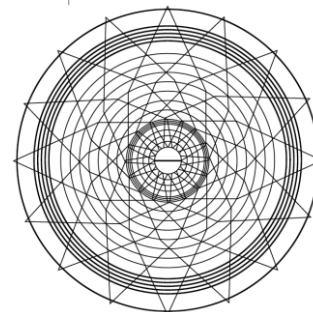
Fairclough, N. (1995). Critical discourse analysis: the critical study of language. Longman.

Fairclough, N. (2006). Language and Globalization. Routledge.

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

Fairclough, N. (2009). A dialectical-relational approach to critical discourse analysis in social research. In R. Wodak & M. Meyer, (Eds.), *Methods for Critical Discourse Analysis*. 2nd edition (162–186). Sage.

Fairclough, N. (2013). Critical discourse analysis, in Gee, J. P., & Handford, M. (Eds.) *The routledge handbook of discourse analysis*. Routledge.
<https://doi.org/10.4324/9780203809068>

Forgacs, D. (1988). *A Gramsci Reader*. Lawrence & Wishart.

Gramsci, A. (1971). *Selections from the prison notebooks*. International Publishers.

Habermas, J. (1977). *Erkenntnis und Interesse*. Suhrkamp.

Jäger, S. (2001). Discourse and knowledge. Theoretical and methodological aspects of critical discourse and dispositive analysis. In R. Wodak & M. Meyer, (Eds.), *Methods for Critical Discourse Analysis* (32–62). Sage. <https://doi.org/10.4135/9780857028020.n3>

Jäger, S., & Maier, F. (2009). Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis. In R. Wodak & M. Meyer, (Eds.), *Methods for Critical Discourse Analysis* (34–61). Sage.
<https://doi.org/10.4135/9780857028020.n3>

Jessop, B. (2004). Critical semiotic analysis and cultural political economy. *Critical Discourse Studies*, 1 (2), 159–175. <https://doi.org/10.1080/17405900410001674506>

Laclau, E., & Mouffe, C. (1985). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. Verso.

Lukes, S. (2005). *Power: A Radical View*. Palgrave Macmillan.

Pêcheux, M. (1969). *Analyse automatique du discours*. Dunod.

Scollon, R. (2001). *Mediated discourse: the nexus of practice*. Routledge.

Van Dijk, T. (2014). *Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach*. Cambridge University Press & Assessment. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107775404>

Wodak, R. (1989). *Language, Power and Ideology: studies in political discourse*. Benjamins. <https://doi.org/10.1075/ct.7>

CULTURAL-HISTORICAL DISCOURSE ANALYSIS AS A METHOD IN THE STUDY OF MEDIA VIOLENCE

Volkov P. V.

Student of the Doctoral Programme
“Communication and Media” at the HSE University
(Moscow, Russia)
pvolkov84@yahoo.com

Abstract:

Contemporary critical discourse studies tend to be based on structuralist and post-structuralist approaches. The author connects this state of affairs with the dominance of linguistics in the discourse analysis, while the very goal of criticizing discourse requires understanding it as a “folded” social activity, an inverted form of culture. For the cultural-historical approach, which the author proposes to use as a method of criticizing discourse, discourse is a reflection of social relations in speech form, a linguistic activity objectified in the text with non-linguistic motives, goals and means. The discourse does not form objective knowledge about reality, but its distorted sensual image, limited by the dialectical interposition of the subject and the environment. Thus, discourse becomes an ideological projection of social activity. Inequality in society is reflected in discourse. The task of cultural-historical discourse research is to reveal the hegemonic meaning of ideological discourse. To do this, the ideological text must be compared with the objective actual conditions of the life of the society in which this text is created and distributed.

Keywords: critical discourse analysis, theory of activity, dialectics, meaning, hegemony

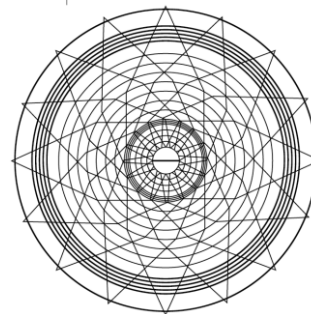
REFERENCES

- Barrett, M. (1991). *The Politics of Truth. From Marx to Foucault*. Polity Press.
- Eco, U. (1972). *Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message*. *Working Papers in Cultural Studies*, (2), 103–121.
- Fairclough, N. (1989). *Language and Power*. Longman.
- Fairclough, N. (1992). *Discourse and Social Change*. Polity Press.
- Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis: the critical study of language*. Longman.
- Fairclough, N. (2006). *Language and Globalization*. Routledge.

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

Fairclough, N. (2009). A dialectical-relational approach to critical discourse analysis in social research. In R. Wodak & M. Meyer, (Eds.), *Methods for Critical Discourse Analysis*. 2nd edition (162–186). Sage.

Fairclough, N. (2013). Critical discourse analysis, in Gee, J. P., & Handford, M. (Eds.) *The routledge handbook of discourse analysis*. Routledge.
<https://doi.org/10.4324/9780203809068>

Forgacs, D. (1988). *A Gramsci Reader*. Lawrence & Wishart.

Gramsci, A. (1971). *Selections from the prison notebooks*. International Publishers.

Habermas, J. (1977). *Erkenntnis und Interesse*. Suhrkamp.

Il'enkov, E. (1991). *Filosofiya i kul'tura*. Politizdat.

Il'enkov, E. (2021). *Dialektika ideal'nogo*. *Sobranie sochineniy t. 5*. Kanon+.

Ivannikov, V. (2014). Analiz motivatsii s pozitsiy teorii deyatelnosti. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal*, (1), 47–54.

Ivannikov, V. (2018). Predstavleniya o prirode i proiskhozhdenii psikhiki v rannikh rabotakh A. N. Leont'eva. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal*, (3), 98–103.

Jäger, S. (2001). Discourse and knowledge. Theoretical and methodological aspects of critical discourse and dispositive analysis. In R. Wodak & M. Meyer, (Eds.), *Methods for Critical Discourse Analysis* (32–62). Sage. <https://doi.org/10.4135/9780857028020.n3>

Jäger, S., & Maier, F. (2009). Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis. In R. Wodak & M. Meyer, (Eds.), *Methods for Critical Discourse Analysis* (34–61). Sage.
<https://doi.org/10.4135/9780857028020.n3>

Jessop, B. (2004). Critical semiotic analysis and cultural political economy. *Critical Discourse Studies*, 1 (2), 159–175. <https://doi.org/10.1080/17405900410001674506>

Kornienko, A. (2018). Priroda psikhiki i psikhicheskoy formy otrazheniya. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal*, (3), 104–116.

Kovkel', N. (2018). Problemy primeneniya kriticheskogo diskurs-analiza v konstitutsionno-pravovykh issledovaniyakh. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki»*, 4 (4), 80–86.
<https://doi.org/10.30914/2411-3522-2018-4-4-80-86>

Laclau, E., & Mouffe, C. (1985). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. Verso.

Lenin, V. (1968). PSS, 5-e izdanie, t. 18. Politizdat.

Lenin, V. (1970). PSS, 5-e izdanie, t. 39. Politizdat.

[Научные статьи]

Волков П. В.

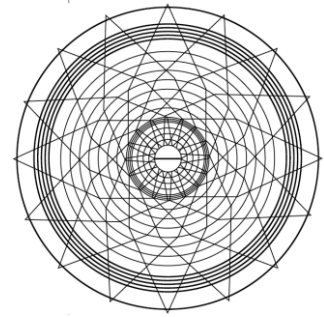
*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

- Leont'ev, A. (1975). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. Politizdat.*
- Leont'ev, A. i dr. (1974). *Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti. Nauka.*
- Leont'ev, A. (1981). *Problemy razvitiya psikhiki. MGU.*
- Leont'ev, A. (1998). *Uchenie o srede v pedologicheskikh rabotakh L.S. Vygotskogo (kriticheskoe issledovanie). Voprosy psikhologii, (1), 108–124.*
- Lobastov, G. (2017). *Myshlenie i rech': chto bylo vnachale? Vestnik RGGU, (2), 29–51.*
<https://doi.org/10.28995/2073-6398-2017-2-29-51>
- Lukes, S. (2005). *Power: A Radical View. Palgrave Macmillan.*
- Luriya, A. (1979). *Yazyk i soznanie. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.*
- Marks, K., i Engel's, F. (1959). *Sochineniya, t. 13. Politizdat.*
- Oleshkova, A. (2018). *Kriticheskii diskurs-analiz: teoreticheskie osnovy metoda. Kant, (3), 127–131.*
- Pêcheux, M. (1969). *Analyse automatique du discours. Dunod.*
- Rubinshteyn, S. (1957). *Bytie i soznanie. O meste psikhicheskogo vo vseobshchey vzaimosvyazi yavleniy material'nogo mira. Izdatel'stvo akademii nauk SSSR.*
- Scollon, R. (2001). *Mediated discourse: the nexus of practice. Routledge.*
- Serio, P. i dr. (2002). *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa. Progress.*
- Sokolova, E. (2018). *Psikhika: forma ili funktsiya deyatel'nosti? (K diskussiyam vo vnutrennem opponenentnom krughe shkoly A.N. Leont'eva). Voprosy psikhologii, (2), 100–110.*
- Sokolova, E. (2019). *Kak A. N. Leont'ev ozhivil spinozizm v marksistskoy psikhologii, ili o neyavnom filosofskom osnovanii teorii deyatel'nosti. Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki, 16 (4), 654–673.*
- Surmava, A., i Simakin, A. (2021). *Spinozistskaya revolyutsiya v marksizme. Data obrashcheniya: 19 maya 2022. https://www.academia.edu/48853979*
- Van Deyk, T. (2013). *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. Librokom.*
- Van Dijk, T. (2014). *Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach. Cambridge University Press & Assessment. https://doi.org/10.1017/CBO9781107775404*
- Vygotskiy, L. S. (1983). *Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 3: Problemy razvitiya psikhiki (A. M. Matyushkin, red.). Pedagogika.*
- Vygotskiy, L. S. (1999). *Myshlenie i rech'. Labirint.*

[Научные статьи]

Волков П. В.

*Культурно-исторический дискурс-анализ
как метод исследования медианасилия*

Wodak, R. (1989). Language, Power and Ideology: studies in political discourse. Benjamins. <https://doi.org/10.1075/ct.7>

Yorgensen, M., & Fillips, L. (2008). Diskurs-analiz. Teoriya i metod. Gumanitarnyy Tsentr.

Zhuravlev, I. (2021). Vygotskiy, Il'enkov i problema sootnosheniya mysli i slova. Voprosy psikholingvistiki, 2(48), 130–143. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-48-2-130-143>

Zhuravlev, I., Zhuravleva, Yu. (2018). Slovo i ob"ekt (vozmozhna li besslovesnaya mysl'). Voprosy psikholingvistiki, (2), 42–57.